

ПСИХОЛОГИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ—ВРЕМЕНИ ЗИНЧЕНКО (ОПЫТ ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ)

В.А. ПЕТРОВСКИЙ

Петровский Вадим Артурович – ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор факультета психологии НИУ ВШЭ, член-корреспондент РАО, профессор, доктор психологических наук. Главный редактор журнала «Психология. Журнал Высшей школы экономики». Сфера научных интересов – теория и методология психологии, общая персонология, транзактный анализ. Автор мультисубъектной теории личности, моделей воспитания дошкольников, вхождения личности в стабильную социальную общность, импульсной модели экзистенциального выбора, а также ряда исследовательских и практических методов и методик.

Автор более 160 работ, среди которых монографии: «Психология неадаптивной активности» (1992), «Личность: феномен субъектности» (1993), «Одаренные дети: экология творчества» (1993, в соавт.), «Психология воспитания» (1995, отв. ред. и автор), «Личность в психологии: парадигма субъектности» (1996), «Основы практической консультативной психологии» (2008, отв. ред. и автор), «Человек над ситуацией» (2010) и др.

Контакты: petrowskiy@mail.ru

Резюме

Психология, берущая начало в личности В.П. Зинченко, — психология «от Зинченко», — в своем исходном определении может быть понята как постигающе-полагающая наука, ведающая истоками жизни индивидуумов, жизни общества, бытия цивилизации и культуры, раскрывающая посвященным веер возможностей, искушений и перспектив. Анализируются условия синтеза исследовательской и полагающей функций психологии, что превращает ее в науку поступающего самосознания, неотделимую от личности ее творца. Такова наука об актах, инструментах и результатах индивидуального и всеобщего самосознания, показывающая, как живет сознание, преодолевая заданность и раскрывая перед собой и вовне новые степени своей свободы.

История психологии для В.П. Зинченко есть путь объективации и субъективации сознания средствами самого сознания. Его психология — сверхлична и

Статья подготовлена в рамках франко-российского проекта «Проблема “Я”: традиции и современность», поддержанного Центром фундаментальных исследований Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики (Москва) (программа 2011 г., ТЗ № 50.0).

лична. Тексты книг и статей В.П. Зинченко — чувственная ткань переживающей себя психологии. Его мысль — живое движение сквозь знаки любой сложности; предложения, содержащиеся в текстах его работ, суть не только опыт фиксации сквозь-знаковых переходов в новых знаковых формах, — это еще и предложения, которые В.П. Зинченко делает самой психологии. Теория сознания и сознание Теоретика в его лице едины. Сам автор теории — человек поступающего самосознания.

Ключевые слова: сознание, самосознание, избыточность, постигающе-полагающая наука, наука поступающего самосознания, объективация—субъективация, живое движение, сквозь-знаковые переходы.

*Почему в этой статье речь идет об опыте **персонологического** прочтения? Персонолога интересует, что есть психология человека (как научная дисциплина) для самого человека, образующего ее объект (Петровский, 2003). Если принять во внимание, что «пространство—время» не является чьей-либо собственностью, то правомерен вопрос, чем является психология в пространстве—времени В.П. Зинченко для смежников в пространстве—времени, — как она выглядит? какие дали приоткрывает? какие смыслы несет? Это и будет означать для нас, в частности, персонологический путь рассмотрения.*

Людам, которые не читали работ В.П. Зинченко (по-моему, таких профессиональных психологов в России нет), моя статья ничего не скажет. Не читайте ее, господа, не теряйте времени. Это все равно, что рассказывать кому-то о музыке, которую человек не слышал, или говорить о дебюте четырех коней человеку, никогда не игравшему в шахматы. Я где-то видел, теперь уже вряд ли вспомню, где именно, такое суждение: если в предисловии к поэтическим сборникам убрать имя автора и цитаты из

его произведений, то будет трудно определить, о чьих стихах идет речь. В моей статье — мало цитат. Но я надеюсь все-таки, что читатели, знакомые с работами Владимира Петровича Зинченко, могли бы сразу понять, о ком идет речь в этой статье, даже если бы имя этого человека в ней не было названо.

Я буду говорить временами *Зинченко*, без уточняющих инициалов: все и так понимают, о ком идет речь, подобно том, как «Юра» в мире — это Гагарин, «Слава» — Ростропович, «Г.П.» — Щедровицкий, «Б.Г.» — Гребенщиков... Владимир Петрович Зинченко, которому на днях исполняется 80 лет, — это *ЗИНЧЕНКО*, пояснения необязательны, что, разумеется, ни на йоту не умаляет профессиональных и личных достоинств других носителей этой известной и ценимой в психологическом мире фамилии.

Не буду делить предмет моего повествования на две части — «пространство» и «время». Поверьте, это не сложно — особенно при поставленном десятилетиями преподавательской работы навыке раскладывания по полочкам. И в самом деле,

коллеги, стоит ли? «По полочкам» и «по папочкам» — это вовсе не в духе того, о ком идет речь в статье (особенно, по-моему, Владимир Петрович не любит, когда «по папочкам»). Я — о другом. Обо всем известной максиме Б. Пастернака: «Так жить, чтобы, в конце концов, привлечь к себе любовь пространства, услышать будущего зов». Напутное, известное многим, но мало кому, к сожалению, проложившее путь.

Мне кажется, Владимиру Петровичу Зинченко было дано на собственном опыте осуществить эту максиму жизни, его бытие исполнено жизни, пространство психологии — отвечает любовью, будущее психологии — зовом на зов. Рождаются новые вызовы. Психология в пространстве–времени Зинченко открыта другим. Его Вселенная расширяется; Зинченко общается к себе исследователей, идущих за ним. Быть может, они, «по живому следу» идущие, не всегда попадают след в след. Иначе, возможно, были бы они не исследователи, а, скорее, преследователи, калькулирующие «поражения и победы» первооткрывателя пространств и времен.

Психология, как наука, воспринимается мною в духовном и душевном контакте с Владимиром Петровичем иначе, чем в случае, когда с нашей общей наукой о душе я встречаюсь один на один. Л.Н. Толстой писал о близком ему человеке: «Его отношение к миру помогает мне уяснить мое отношение к миру». Так и взгляд Зинченко помогает мне что-то важное для себя уяснить, может быть, переоткрыть. «Срабатывает», по-види-

мому, сформированный в первые годы моего психологического детства¹ механизм «объединенного внимания». Не хочется расшифровывать термины, широко известные, как говорят, в узких кругах. Однако, на всякий случай, напомним коллегам: согласно Б. Баттеруорту, это «умение смотреть туда, куда смотрит кто-то еще» (сюжет, хорошо знакомый всем со времен Л.С. Выготского); М. Томасселло (для нас это может быть тоже существенно) говорит не о диадических («ребенок–взрослый»), а о триадических взаимодействиях («ребенок–предмет–взрослый»). Словом, «объединенное внимание» — это когда мы смотрим на предмет не «в оба», а «в оба оба»...

Не знаю, коллеги, какой видится вам психология в пространстве–времени Зинченко, хочу рассказать о своем личном видении, сквозь видение Зинченко и вместе с ним, — быть может, оно сойдется с вашим, а может быть — нет...

Владимир Петрович Зинченко называет разрабатываемую им психологию органической психологией. Рассматривая органическую психологию во взаимоотношениях с человеком, объектом ее рассмотрения, я, прежде всего, вижу две функции, реализуемые ею, — *постижение* и *полагание*, и, таким образом, для меня, в силу действия механизма объединенного внимания, органическая психология Зинченко — это постигающая и полагающая психология (в своем единстве они образуют науку *совершающего себя сознания — поступающего самосознания*).

¹ Со времен Летней психологической школы МГУ, 1970 г. (более сорока лет!).

Психология – постигающая наука. Сам Владимир Петрович Зинченко не называет свою психологию *постигающей*. Однако, по сути, та смысловая история психологии, тот способ познания мира, который предлагает нам психолог Зинченко (подчеркиваю, *психолог*, а не только методолог или философ), – это путь постижения, а не просто изучения, не только понимания и даже – с несколько мистическим уклоном – ведения, мира. Психолог (и Учитель психологии) Зинченко нацелен и нацеливает на постижение *смыслов* явлений (отвечает на вопросы «зачем?», «ради чего?», «с какой целью?», «что это есть для меня?»). В то время как *значения* – это кристаллизация общественно исторического опыта, смыслы – я попробую определить их по аналогии – суть кристаллизации жизненных отношений человека, они, как пишет Зинченко, «укоренены» в бытии индивидуума.

Различается присутствие и рациональная освоенность (означенность) смысла. Р. Мэй (Мэй, 2004) писал: «Фрейд работал на техническом уровне, где предельно проявляется его гений; возможно, он *знал о тревоге* больше, чем кто бы то ни было в то время. С. Кьеркегор, гений другого порядка, работал на экзистенциальном, онтологическом уровне; он *познал тревогу*». В.А. Лефевр как-то сказал мне: «Будущая поэзия – это поэзия формул»; об одной из работ, посвященных феномену «*cogito*» (алгебра взаимодействий между разными аспектами «мысли»), он сказал даже, что «это – истинная поэзия в математике». И прежде всего, сам В.А. Лефевр явил нам пример красоты своих формул, будь то «звезд-

ное небо над головой» (см. «Космический субъект» – Лефевр, 1996) или «нравственный закон внутри нас» (см. «Алгебру совести» – Лефевр, 2004). В отличие о В.А. Лефевра, В.П. Зинченко, иногда ссылающийся на В.А. Лефевра, обращен к истокам и устьям мысли, которые для него совершенно «неформульны». Бытийное прорывает паутинки контурных карт. «Струйки» математических формул он порой пропускает, доискиваясь до смысла (так и говорит – «струйки»). Как-то сказал, получив от меня мой текст «с формулами»: «Вы знаете, к формулам я совершенно равнодушен!..» Отнюдь не все может быть для него «досказано». Птицы у С. Кьеркегора исполнены безмолвия. Постигающая психология, порою говорит о себе недосказанным.

Должен сказать (досказать!) сразу – и это представляется мне очень важным! – постигающая психология отнюдь не всегда располагает утвердительным ответом на вопрос о *предсуществовании* смысла. Здесь, по моему, нет совпадения с В. Франклом, для которого смысл всегда есть (его нужно «только найти»). Иногда идея того, что искомый ответ существует, – иллюзия, самообман, верование, не имеющее под собой никаких оснований. И в этом случае психолог должен прямо сказать: «Нет смысла!», и на вопрос «Зачем?» ответить честно: «За-не-зачем, а потому что – не иначе как!» Не все в жизни имеет изначальный смысл. Например, смерть человека. В стихах Вадима Ротенберга есть строчка: «А к слову смерть не подобрать эпитет». Идея того, что смысл изначально есть и что его надо только найти, –

следствие господствующего в психологии принципа изначальной целесообразности всего сущего, постулата, доминирующего в сознании поколений исследователей, корни которого — в аристотелевской «энтелехии», согласно которой мир развивается в направлении некоей итоговой, финальной цели. Сорок лет назад я назвал этот постулат «постулатом целесообразности». Впрочем, когда падает дерево, люди не имеют обыкновения спрашивать в этой связи «зачем?». Но когда, поскользнувшись, ты падаешь, а рядом с тобой шагает коллега, верящий в «сверхдетерминацию» (в терминах З. Фрейда) или изначальную осмысленность всего и вся (в терминах В. Франкла), то «продвинутый» спутник может потом запросто спросить у упавшего (после падения по-детски наивного): «Зачем ты упал?» (и тот, опомнившись,

станет, если он, конечно, просвещенный психолог, отвечать...). Так же, как клиенты, воспитанные терапевтами, дисциплинированно отвечают на аналогичные вопросы, вроде: «Зачем и как ты *делаешь* себе депрессию?»² и т.п.

Психология – полагающая наука. Постигающая наука превращается в *полагающую* науку, когда она *конструирует смыслы, извлекая уроки*, — будущие смыслы предстоящих поступков и действий. История как таковая, будь то индивидуальная или мировая, не имеет смысла (теология, разумеется, против этого тезиса). Но можно (и нужно) все-таки извлекать уроки из происходящего (хотя, впрочем, известно, что главный урок истории состоит в том, что мы не извлекаем из нее уроки)³. И тогда постигающая наука есть вместе с тем функциональный орган развития сознания человека.

---

² Не только сон разума, но и разум, так сказать, в действии рождает чудовищ. Источник депрессии может иметь внепсихическое происхождение. Но живущий в каждом из нас смыслоискатель, доцент-телеолог, без пяти минут маленький профессор теологии, не дает нам успокоиться: он требует, чтобы мы ответили на вопрос «зачем?», «каков смысл?» «не успокоишься — пока не осмыслишь!...». Вот и рождаются *версии*, принимаемые за истину в последней инстанции: «депрессия — это судьба (сценарная расплата)», «депрессия — это защита», «депрессия — это вытесненное чувство вины» и т.д. и т.п. Разумеется: и судьба, и защита, и чувство вины могут иметь отношение к депрессии, но видеть именно в них и всегда источник, смысловую основу, исходный пункт развития депрессии, поддаваться соблазну *психологизировать* причины возникновения депрессивных состояний — это значит запутывать себя изначалью, в конечном счете, усиливать состояние внутреннего неблагополучия. По-видимому, все-таки эндогенная депрессия (по крайней мере, эндогенная) — асемантична. Ее источник, тело, — часть объективной реальности, *не данной нам в ощущениях*, но, к несчастью, *производящей их*. Имеющий, увы, культурно-историческое происхождение «бред целевой интерпретации», навязчивое телеологическое прочтение наших бед, в том числе телесно-внепсихологических источников неблагополучия, поскользнувшись на первой ступеньке рождения депрессии, усиливается далее, от ступени к ступени эволюции депрессивного состояния (теоретико-эмпирически мы рассматриваем этапы данного процесса в диссертационном исследовании М.В. Аксеновой).

³ Как практикующий психолог, я достаточно четко различаю и иногда противопоставляю «смыслы» событий (они не всегда существуют) и «уроки», которые всегда нужно и возможно

Я думаю, феноменология «могу», с присущей ей строгостью понимания феноменов сознания, не может не признать тот факт, что, когда мы пытаемся *познать* ранее не познанное *могу*, мы неизбежно (если это действительно доступно нам) *производим* наши новые сознаваемые возможности (только реализуя *на деле* гипотетические возможности, мы способны судить об их наличии или отсутствии). И это может касаться — тут мы выходим в сферу психологии как таковой — не освоенных еще степеней свободы, которые были *избыточны* (относительно *чего* «избыточны» — это особый вопрос, о нем дальше). В предисловии к книге Ж. Пиаже «Мышление и речь ребенка» (Пиаже, 2008) я прочитал: «Широко известен научный парадокс, согласно которому авторитет ученого лучше всего определяется тем, насколько он затормозил развитие науки в своей области». Я эти слова впервые услышал от А.Р. Лурии в университетские годы. По-моему, Н.А. Бернштейн, с его категорией «избыточных степеней свободы», как любой гений, на какое-то время затормозил развитие науки.

«Зинченковская психология» (пора бы уже давно утвердиться этому словосочетанию в нашей науке!), имеющая своим предметом сознание и, как мы увидим далее, самосозна-

ние, идя за ним, не только преодолевает, но и расширяет круг степеней свободы, приумножает, «высваивает» их (слово М. Хайдеггера кажется мне здесь особенно подходящим).

Позволю себе небольшое лирическое отступление, к которому располагает меня чтение книг Зинченко. Идея избыточности — одна из самых дорогих мне идей в психологии. Я всегда думал о том, что субъективных образов мира, возможно, в мире бы не было, если бы не избыточность (мне казалось когда-то, что это аргумент в пику идеи эпифеноменальности субъективного — теперь я так не думаю; появились совсем другие аргументы против). И моя «надситуативность» (работы 1974–1978 гг.) была основана на идее избыточности. И выход за пределы себя, побуждающий войти в жизненные миры другого (идея персонализации), — это, для меня, было тоже проявлением избыточности (работа 1992 г. и последующих лет, см.: Петровский, 2010). Признаюсь, я ревную богиню Психею к тем, кто говорит и пишет об избыточности, не важно, было ли это сказано до моего рождения, недавно или будет когда-нибудь кем-нибудь сказано. Может быть, это следы перенесенных травм на ранних этапах вхождения в профессиональную общность (помню непонимание и еще, как меня — за *«избыточные моменты*

извлечь из событий, происходящих в жизни моих консультируемых, как, впрочем, и в моей собственной (об уроках, которые должны быть извлечены консультируемым, хорошо сказано в книге А.А. Пузырея (Пузырей, 2005). Однако, если человек, приходящий ко мне на прием, слишком долго не извлекает уроки из негативных событий своей жизни, я побуждаю его задуматься — «в чем смысл того, что он отказывается извлечь урок». Тут уж возникает вопрос — в какие «игры» мы играем с миром, какие преимущества мы извлекаем, играя, какие жизненные сценарии осуществляем, сами того не ведая.

движения» — в моей кандидатской прикладывали). Единственный человек, к которому совсем не ревную, — это В.П. Зинченко. Его «избыточность» — ведь она от природы, она присуща ему самому, независимо от Н.А. Бернштейна и еще кого бы то ни было (здесь именно бытийный слой сознания, почва, судьба, дыханье, корни смыслов, к кому бы — на уровне «значений» — сам Зинченко ни относил истоки своих построений). Для меня здесь также — и зримое подтверждение того, что «избыточность» есть реальность чувственная, не придуманная, — не просто слово-ярлычок к абстрактному конструкту теории. Кроме того, это: дозволение «быть избыточным»; другой мой Учитель (увы, не довелось встретиться), Эрик Берн, сказал бы — Зинченко дает *разрешение* на избыточность⁴. И, кстати, избыточность в его теории — иная, чем у Бернштейна. Там — это повод к преодолению. Между тем зинченковские: идея творчества, идея устремленности к неопределенности, идея укоренения смыслов и извлечения уроков из состоявшихся актов жизни подразумевают увеличение степеней избыточности, — приумножения степеней подлинной, а не отягощающей, т.е. требующей преодоления, свободы.

«Сложности внешнего мира должны противостоять не просто сложность, а сверхсложность внутреннего мира: “пространства внутренний из-

быток”, — пишет В.П. Зинченко в одной из своих недавних, как всегда глубоких по сути и блистательных по форме статей (Зинченко, 2007, с. 30).

Погрузившись в пространство идей Зинченко, я переслал ему по мейлу следующий отклик:

«Дорогой Владимир Петрович! То, что я прочитал сегодня, вне сомнений, лучшее из всего прочитанного за последние годы: осмысление того, как психология выживает в вечной борьбе с самообесмысливанием и как она самообесмысливание это выживает (уж позвольте мне такую игру слов!).

И сам текст Ваш, как мне кажется, по механизму развертки, по своему внутреннему устройству, — это часть проживания психологией своего пути. Лучшая иллюстрация того, о чем Вы пишете. Единственный шанс субъективного справиться с неопределенностью мира — это сказать миру: ну, догоняй... Нельзя достичь скорости света, но есть теория, что можно обладать этой скоростью сразу, или — еще большей».

Вся психология Зинченко — *от избытка*. Это — «когда не путают порыв с прорывом» (так однажды сказал Зинченко на защите одной из оппонированных им докторских диссертаций).

Еще раз скажу: психология, берущая начало в *личности* Зинченко, психология «от Зинченко», есть проявление его *персональной* избыточности. В этом, мне кажется, глубинный

---

⁴ Впрочем, помню, как много лет назад (1978 г., конгресс по «бессознательному» в Тбилиси) Владимир Петрович строго сказал мне при посадке в автобус, направляющийся на экскурсию в винные погреба (к науке это не имело отношения): «Вадим, только не надо проявлять “надситуативную активность”» («Значит, знает!» — гордо подумал я, но с тех пор, спасибо за опыт, стараюсь себя как-то сдерживать!).

источник полагающей психологии. Здесь личность творца — первопричина и следствие его научного творчества. Без индивидуальной избыточности — только убыточность для науки.

Психология — постигающе-полагающая наука; наука поступающего самосознания (сознания, осуществляющего себя в себе). Первое из приведенных определений психологии трактует постижение и полагание как разные процессы. Второе определение указывает общий процесс — поступающее самосознание, сторонами которого являются постижение и полагание. Выражение в скобках уточняет, в каком смысле говорится о поступающем самосознании.

Итак, поиск причин и смыслов (если они есть), извлечение уроков и конструирование новых смыслов событий (если в этом есть необходимость) — все это *постижение и полагание*, и психология, если следовать духу зинченковских построений, есть *постигающе-полагающая наука*, ведающая истоками жизни индивидуума, жизни общества, бытия цивилизации и культуры и раскрывающая перед посвященными веер возможностей, искушений и перспектив.

В центре внимания постигающей и полагающей психологии — не безличные причины, но причины-смыслы, в сочетании которых осуществляет себя понимающая работа сознания. Но метод раскрытия и работы с ними (диагностика этих причин, решение «задач на смысл», выведение следствий и предвосхищение последствий) — не только феноменологический или, скажем, интуитивный.

Вполне легитимным представляется также и объективно-психологический метод, реализуемый посредством множества исследовательских методик когнитивной, генетической, социальной, трансперсональной психологии; тут же и поступления из фонда психоанализа и психологического консультирования, а также благоприобретения всевозможных персонологических практик.

...Сегодня у меня на сеансе был молодой человек, музыкант, лидер одной из известных российских музыкальных групп. Несколько женственная внешность — тонкие черты лица (впрочем, «дерется как боевой слон, если раздражат»), изящество движений, высокая прическа, темные очки... Толпы поклонниц. Деликатность. «Практически» верен влюбленной в него молодой женщине, с которой вместе вот уже три года (слово «практически» использую в том же смысле, что и «практически трезв»). Некогда известная и до сих пор пользующаяся популярностью группа вдруг вызвала шквал негативных эмоций в суждениях молодых парней-критиков. Мой «подзащитный» не может писать музыку, застопорилась работа над текстами, у него «перехватывает горло», когда он пытается петь, говорит, что раньше «писал от сердца и по вдохновению», а теперь, должно быть, надо писать «от ума» (и это при том, что рейтинг этой группы в России значительно выше, чем рейтинг конкурирующих за слушателей групп, а европейские эксперты ее оценивают стабильно высоко). Основные претензии критиков — к внешности. Анализируем видеозаписи устных высказываний интеллектуалов-экспертов. В нашей компетенции с консультируемым, к этому времени, схемы транзактного анализа и психоаналитические представления о

защитных механизмах личности. Без труда можно увидеть следы проективной идентификации интеллектуалов-критиков с критикуемым лидером группы; подобно одному из персонажей знаменитого фильма «Красота по-американски» (а также, к сожалению, одному из всамделишных российских думских заседателей, яростному гонителю на этих... — не буду повторять любимое хрущевское слово), они (критики), конечно, не догадываются о существовании «реактивных образований», переворачивающих реальную картину влечений, и были бы, безусловно, шокированы или разгневаны, узнав, что проецируют на моего консультируемого свои неосознаваемые влечения, а также, испытывая зависть к его успеху, пытаются сбросить талантливого человека с пьедестала. Словом, моего подзащитного, почти по Ильфу, чуть было со сцены не «выгнали за половое влечение», — впрочем, не за его влечение к кому-то, а за влечение кого-то к нему-то... Реакция консультируемого на совместное раскрытие ситуации — смех понимания, лучшее, что может служить завершением сеанса.

Схемы, используемые в анализе, имеют объяснительный характер, они заключают в себе опыт понимания причинно-следственных отношений, лежащих в основе поведения, но раскрытие неосознаваемых смыслов-причин имеет здесь не отстраненно рациональный характер, а переживается консультируемым как открытие, позволяющее ему выйти из трудной жизненной ситуации. Постигающая и полагающая психология — это расширение рефлексии за счет использования *психологических орудий*, вбирающих в себя опыт понимания человека, предпринятого психологами-исследователями и

психологами-практиками (я называю такой подход *персонологическим*).

В изложении своих идей Зинченко — явно не роджеррианец, он не придерживается принципа безоценочного «понимания и принятия». Множество оценок! Именно так в норме оценочно наше сознание. Зинченко, используя замечательный термин Г. Шпета, пишет о со-значениях. Но можно говорить также о со-оценочности определений Зинченко. Например: «психика — не административное учреждение» (что это — оценка психики, которой не хватает немецкой подтянутости и выстроенности, или — административного учреждения, которому никогда не достичь уровня сложности психики?). Постигающей психологии, как и сознанию, входящему в ее предмет, очевидно, до всего есть дело... Со-оценочность Зинченко — инструмент и образец работы сознания, метод психологии, согласно авторскому умолчанию.

Предлагаемые Зинченко метафоры (Зинченко, 2006) — не «украшательство», а необходимость и умысел. Это путь к объединению значений и смыслов, метод такого объединения. Ключевое слово «избыточность» относится и к метафорам. В них всегда есть что-то большее, чем сказанное и «недосказанное» даже. Возможность многопланового осмысления и дополнительного означения.

Так, поэтические «иллюстрации» в тексте — это никакие не иллюстрации, а символы и скрытые «техники» обретения целостности сознания, приведение к единству рефлексивного и бытийного слоев психики.

Юмор, игра слов, на который столь щедр Зинченко (взять хотя бы недавнее — «параноев Ковчег!»), это не просто способ привлечь читателя к той или иной мысли, расслабить, очаровать, «обойти цензуру» и т.п. — это, я бы сказал, *показ*⁵ того, как живет сознание, преодолевая заданность и раскрывая перед собой и во вне новые степени своей свободы.

Или — кажущаяся, на первый взгляд, «вкусовой», «лингвистической», но никак не психологической — критика бездумного использования понятия «субъект». Смысл этой критики, по-моему, в том, что категории психологии живут в естественном языке, соприкасаются с *его* смыслами; поэтому должны быть совершенно особые причины использовать в научной психологии термины, коннотированные общественным сознанием; иначе говоря, «избыточность» — хорошо, «переизбыток» — плохо (одно из памятных и, как всегда, ярких выступлений В.П. Зинченко могло бы эпатировать своим названием тех, для кого «субъект» — расхожее слово; название доклада: «“Индивид”, “Субъект”, “Личность”: нужна ли нам психология “на троих”?»).

Или, вот еще, базовая метафора пояса Мебиуса при описании сознания. По горячим следам одного из выступлений В.П. Зинченко я написал ему:

«Дорогой Владимир Петрович!

*После Вашего замечательного мис-
леемкого и в то же время щедрого на*

*мысль повествования не хочется об-
ременять Вас своими заметками —
так что, Бога ради, отдохните мне
ответать, но просто дайте мне воз-
можность отреагировать... Действи-
тельно, — колоссальное впечатление
от доклада. Сегодня я услышал от
Марины (М.В. Бороденко. — В.П.), ко-
торая тоже слушала Ваш доклад:
“Владимир Петрович вернул психоло-
гии сознание”, а я добавил: “Привел
психологию в сознание” (как, впрочем,
совсем недавно Вы вернули в психоло-
гию, уставшую от “репрезентаций”,
“непосредственное”, столкнув психоло-
гию нос к носу с этим диковинным
феноменом...).*

*Огорчен, что моя реакция по сле-
дам Вашего выступления была скорее
эмоциональной, чем содержательной,
и я не смог как следует обосновать
тот факт, что именно Ваше пред-
ставление о сознании содержит в се-
бе зримое подтверждение тому, что
психика это вечное “между” (я писал
об этом в книге “Логика Я”).*

*Еще, по-моему, Ваш доклад внес
нужную ясность в представление о
“живом движении” (оно теперь ви-
дится мне трехслойным: биодинами-
ческая ткань — это раз, чувстви-
тельно-динамическая ткань — два, и пси-
ходинамическая ткань по ту и по сю
сторону от той и другой — три).
Психика per se — невидима, до-чув-
ственна.*

*Впечатлен очень метафорой пояса
Мебиуса. “Невидимость” психики там
тоже — есть! Обратите внимание:*

⁵ Как удержатся от *избыточной* (но в этом случае — *деструктивной*) рефлексии, *показывая*? Возможно, когда-нибудь психология придет к методу наведения чистого созерцания сущностей без рефлексивного «аккомпанемента»; принципом построения и использования этого метода станет «не спугни своим словом смысл».

вот кромочка перехода от “внешней” (наблюдаемой) к “внутренней” (ненаблюдаемой) поверхностям этой фигуры; мы переходим через эту грань мысленно; и сама эта “грань” – есть мысль о переходе; сам же переход как бы спрятан за мыслью о нем – то есть, иначе говоря, мы знаем, что этот переход есть, но мы не видим его, не можем увидеть (в чисто физическом плане изгиб перехода не является источником световых волн, контур – ничего не излучает!). Так и психика: она – невидима, она есть “третье” состояние бытия, объединяющее и сообщающее в себе то, что принято называть внешним (“объективное”), и внутренним (говорят – “субъективное”). Вы оставляете место для этого третьего, что неслучайно, конечно...

И наконец – “субъект”. Сегодня, слушая Вас, я окончательно убедился, что гносеологического субъекта не существует. Это фикция сознания. Другое дело, что “фикция”, имея свое представительство в сознании, является одним из важных его содержаний, которое совершенно на равных вступает в игру с другими содержаниями сознания, такими, например, как “объект” или, положим, “акт восприятия” (как бы пририсованный к “субъекту”). Упраздняя лопатинского человечка (хотя и не изгоняя его из сознания), мы фактически отказываем гносеологическому субъекту в праве гражданства на территории психологии (в гостевой визе – нет, чем он, собственно говоря, и пользуется). Но это не значит, конечно, что мы упраздняем идею онтологического

субъекта: для меня это, Вы знаете, – *causa sui* (это, конечно, мне бы хотелось обсудить детальнее⁶).

Психика, конечно, избыточна. Это – особый затронутый Вами сюжет! Но боюсь, – и мое письмо Вам избыточно до чрезмерности. Просто не могу удержаться от впечатлений... Помните, Бунин сказал о Толстом: “Он меня переогромил”. Вы меня и многих из нас сегодня переогромил!».

Я хочу прокомментировать это письмо, – делая акцент на избыточности. Когда мы говорим об избыточности, мы должны сообщить, относительно чего избыточно нечто. Для Н.А. Бернштейна «степени свободы» избыточны относительно необходимости совершить это конкретное действие (другие действия в данный момент не соответствуют «модели потребного будущего»). Когда В.П. Зинченко говорит об избыточности чувственной и биодинамической ткани, то речь, очевидно, идет о потенциальном многообразии конкретных образов и действий, которые могут быть сотканы из этой ткани, – о ее избыточности относительно любой конкретной формы реализации (ткань – одно, униформа – другое). Если речь вести о чувственном образе мира, то понятно, что избыточность этого образа подразумевает множественность интерпретаций и осмыслений его, – нередуцируемость образа к тому или иному значению или смыслу. Когда автор этих слов говорит об избыточном «могу», рождающемся в деятельности и превращающемся в «хочу», речь

⁶ Потом этот сюжет был разработан мною в статье: «Начала персонологии “Я”: существует ли ее предмет?» для сборника, посвященного 80-летию В.П. Зинченко.

идет об избытке возможностей над уровнем требований ситуации или, шире, над уровнем исходных мотивов, побуждающих поведение. Но область «избыточности», возможно, шире. Если верно, что психика — нечто «третье» между субъективным и объективным (Петровский, 2004), что это взаимопереход между внутренним и внешним (метафора пояса Мебиуса *феноменологически* указывает нам на это), то нельзя ли предположить, что *психика* *per se* избыточна относительно любой из конкретных возможностей своего перехода в чувственность (в бытийный слой сознания, включающий в себя *переживание* движения), а также — в поведение (внешне наблюдаемую активность). Заметим, что пояс Мебиуса «кружит» в окружающем его пространстве-времени, «соприкасается», но не сливается с ним. Есть граница (а граница, мы знаем, это «предел-переход-связь»). Может быть, в этом случае перед нами метафора неизбежного *иноприсутствия значений и смыслов* в культуре?⁷

Работы Зинченко, привожу только некоторые из публикаций истекшего десятилетия (Зинченко, 2000, 2004, 2006, 2007, 2009, 2010; Зинченко и др., 2010) включают в себя опыт истории психологии. Почему? Это — реконструкция в индивидуальном сознании исследователя движений в системе «значение—значение», «значение—смысл», «смысл—значение», «смысл—смысл». «История» здесь — это не только всеобщая история

психологии; это история также индивидуального сознания исследователей (например, динамика в решении вопроса о соотношении смысла и значения в трудах Л.С. Выготского), а также — интериндивидуальных связей, прорисованных или нет, названных или подразумеваемых (Шпет—Выготский, Леонтьев—Бернштейн, Рубинштейн и др.). Сквозь перипетии индивидуальных историй и судеб, красноречивых фактов и странных фигур умолчания проглядывают феноменология и экзистенциальная логика intersубъектного, имеющие значимость прежде всего для психолога, исследующего взаимоотношения «Я—Ты». Меньше всего Зинченко озабочен вопросом, что здесь первое (интрасубъектное) или второе (intersубъектное), как, впрочем, и то (обычно это волнует авторов!), кто здесь был *первый*, а кто *второй*. Для Зинченко вся история существует сейчас, тут, в этом пространстве—времени, включая «заскоки» в будущее. История психологии для него есть путь объективации и субъективации сознания средствами самого сознания. Об этом — дальше.

Психология — сверхлична и лична; она есть объективация сознания и возвращение сознания к себе, в субъективность. Для В.П. Зинченко, как и для ряда других исследователей (В.С. Соловьев, С.Н. Трубецкой, Г.Г. Шпет, Г.П. Щедровицкий и др.), сознание не имеет «собственника». В некотором смысле, сознание «ничье». «В конце концов, так же

⁷ В «Человеке над ситуацией» я писал, что «Вишневый сад» стал бы дыбом на голове А.П. Чехова, если бы тот увидел одну из современных постановок своей пьесы (Петровский, 2010, С. 546).

нельзя сказать, *что* сознание, как нельзя сказать, *что* пространство, *чей* воздух, хотя бы всякий был убежден, что воздух, которым он дышит, есть *его* воздух и пространство, которое он занимает, есть *его* пространство» — цитирует и соглашается с Г.Г. Шпетом Зинченко. Надо думать и Психология, как форма общественного сознания, «ничья». «Науку еще никому не удалось начать с себя. Ее история — это не поле брани, усеянное телами умственно отсталых предшественников».

И все-таки позволю себе улыбнуться! Парадоксальная вещь! «Сознание» у Зинченко — *ничье*. Удивительно не то, что оно «ничье» (так писали и обосновывали этот тезис и другие авторы), а то, что сознание «ничье» *у Зинченко* — в *его* собственном повествовании о сознании. Владимир Петрович с восхищением цитирует Г.Г. Шпета: «Психология — объективная наука о субъективном». И в самом деле, трудно устоять — не восхититься — лаконичностью, точностью, глубиной и неожиданностью этого определения психологии. Но сам Зинченко, строит *свою* психологию. Я рискнул назвать ее в начале

этого повествования «постигающей психологией». О ней, я думаю, можно сказать, что это наука о самоосмыслении субъективного в объективных формах, наука о возвращении субъективного из инобытия в объективном к себе, наука, в которой субъективное *прибывает* к себе, чтобы *пребыть у себя*. Не «психология идей», не «психология людей», и даже не «событийная психология» (так называет Зинченко один из опытов истории психологии, представленных Г. Люком), а именно *смысловая* история психологии. Здесь — недостаточно «хорошо сказать», «найти точное слово», или, так сказать, «словцо», недостаточно как-нибудь образно или изящно выразиться (всего этого Зинченко не занимать!). Здесь необходимо вчувствоваться мир объективированного знания, решив для себя, что от разума, что нет, что имеет смысл и что не может его иметь. Здесь властвует пристрастность психолога, историка психологии, «через себя понимание» (А. Битов) или принципиальное *не-понимание*⁸.

Психологию учили жить философы, поучали физиологи...

⁸ У поэта Семена Липкина есть строчки, которые, как мне кажется, точно выражают разницу между изяществом и правдой, силищейся осмыслить мир:

«Ереванская роза	Ереванскую розу —
Мерным слогом воркует,	Вздых и целую фразу —
Гармонически плачет навзрыд.	Понимаешь: настолько проста.
Ереванская проза	Ереванскую прозу
Мастерит, и торгует,	Понимаешь не сразу,
И кричит, некрасиво кричит.	Потому, что во всем разлита ...»

Сам поэт, в конечном счете, объединяет поэзию и прозу в одно, но это — поэтический синтез. Психологии до него далеко. Другое дело — принципиальное условие этого синтеза. В этом вопрос.

Российская психология в последние годы отваживается рефлексировать себя самое, раскрывая перед собой свои собственные категории (я имею в виду идею теоретической психологии, высказанную А.В. Петровским, вместе с которым мне повезло работать над категориальным строем психологии; там выделяются кластеры и плеяды логических форм, определяющих психологию в ее исторической динамике (Петровский А.В., Петровский В.А., 2000). Однако у Зинченко не просто «смыслы», а *личностные смыслы* открытий, творимых психологами.

Но мы говорили также о том, что не все изначально имеет смысл (если, конечно, не прибегать к логическим уловкам типа: «смысл в том, чтобы осознать, что это бессмысленно»).

Психология у Зинченко – не только постигающая, но и полагающая наука, побуждающая нас извлекать уроки, мысленно пролистывая календарь назад, вырывая страницы или переписывая старенькие листочки наново, а то и делать пометки в календаре на будущее (на этом зиждется механизм порождения новых мотивов)⁹.

Поставим такой вопрос: что является условием синтеза психологии постигающей и – *полагающей*? Мне представляется, что это – избыточ-

ность самой психики, о чем мы уже имели возможность сказать ранее. Пояс Мебиуса – это подсказка. Сколько ни вглядывайся в него, мы не сможем разглядеть перехода с одной стороны на другую. О самом переходе, конечно, знаем, но непосредственно он не дан в восприятии. «Как ни крути», но пояс Мебиуса содержит в себе три части: во-первых, видимую, во-вторых, скрытую и, в-третьих, как бы ускользающую из вида (буквально у нас на виду!) часть. Если смотреть с позиции внешнего наблюдателя, видим *поведение* индивида, его *переживания* скрыты. Если смотреть с позиции внутреннего наблюдателя, то мы оказываемся в поле его *переживаний*, принимающих форму чувственного, образного, мысленного, смыслового... Но в любом случае есть что-то переходное, способное превратиться в видимое и невидимое (не будучи непосредственно видимым или невидимым). Эта избыточность (относительно способа реализации вовне или вовнутрь) присуща, очевидно, психике. И именно в ней – условие искомого синтеза *постижения* и *полагания*.

Спрашивается, а как совершается этот синтез? Я не стану отвечать здесь на вопрос, поставленный подобным образом. Я переформулирую вопрос так: *кто* совершает синтез? Полагаю, что Зинченко – один из

⁹ В зависимости от того, чем завершается «свободное действие», впишется ли оно своими результатами в систему действующих мотивов индивидуума, оно будет либо признано и запечатлено (обретенный аффект будет требовать воспроизводства, родится новый мотив и, возможно, индивидуум признает себя его автором, «субъектом»), либо окажется лишним, «бессмысленным», и тогда человек отречется от авторства, возможно, сказав о себе: «Бес попутал» (Петровский, 1996).

немногих психологов в мире, кто производит этот синтез *в себе* и общается к нему *нас*.

Художники, писал С. Моэм, научили нас видеть мир. Подлинный психолог учит видеть невидимое.

Психология — от первого лица.

Но, так уж и быть, примем, что психология, как форма сознания, — ничья, да и М. Фуко, тая свою авторскую позицию в этом вопросе, кивает, присоединяясь, — это значит, что *каждый* имеет право отстаивать свои права на авторство. Как выразился один экскурсовод в Таллинне (я был в группе туристов): «Хочу, чтобы вы составили свое личное мнение, поэтому я поведу вас своими тропами...» Но в каждой шутке есть доля шутки: исходная и конечная точка маршрута — индивидуальное сознание, а сам маршрут, следовательно, есть самосознание и самосоздание.

В.П. Зинченко ведет «своими тропами», однако его метод — жестко определен, его определенность, или, если вслушаться в Г. Гегеля, *о-предельность*, — это путь сознания *per se*.

Напомню, какие «части» сознания выделяет В.П. Зинченко: «чувственная ткань», «биодинамическая ткань» (здесь «заскок» в будущее, о чем пишет Зинченко, цитируя В.В. Биbihина), далее — «значения» и «смыслы». Строя *свою* психологию, В.П. Зинченко совершает работу, соответствующую (прослеживается изоморфизм) описанным «частям». Это работа «вчувствования» (а иногда и «вчитывания») смыслов в предмет исследования. Поэзия текстов Зинченко (она самоценна, конечно!) есть, прежде всего, опыт постижения и полагания, адекватный

бытийному слою сознания (где чувственная и динамическая ткань); здесь Зинченко прослеживает сознание и следует за ним по пути «аналитики» (не «анализа») инициального опыта, сама интонация письменных текстов (ее можно расслышать!), не говоря уже об интонации, явленной в живом устном слове (а также смехе, наклоне головы, обращенности позы, — я знаю коллег, перенявших у Зинченко что-то из этого) подчинены той же цели — передать неизъяснимое (и — ведь дано передать!).

История психологии «от Зинченко», при всей объективности его повествования (развивающегося, подобно самой психике, вдоль пояса Мебиуса, смотрящего вовне и вовнутрь), при всей, я бы сказал, опять цитируя Владимира Петровича, не-«презентированности» в тексте самого повествователя, — это все-таки «Его история», он мог бы (но не делает этого) позволить себе сказать «Моя история психологии», подобно Цветаевой — «Мой Пушкин».

Действительно, Владимиру Петровичу Зинченко, пребывающему в полноценном сверхвременном и кросспространственном общении с философами, культурологами, поэтами, психологами, психотерапевтами самых разных эпох и культур, присуще умение видеть мир *непосредственно*, а не в «репрезентациях». Абсолютная независимость мысли! Взять хотя бы переворачивание привычных представлений о кризисе методологических основ психологии («Какой же это кризис?! Это расцвет!» — говорит Зинченко).

Не-презентированность авторского Я историка-исследователя в истории психологии, мне кажется, то же,

что и непредъявленность личного Я психотерапевта в психотерапии; всего лучше, пожалуй, такая позиция: «*Меня нет, следовательно, я существую*». Зинченко, внесший выдающийся вклад в психологию, не уподобляется другим выдающимся, рядом шедшим или идущим, тем, кто умудряются выдавать историю за себя. Он любит цитировать Сальвадора Дали: «Личность — это избыток индивидуальности». Сам С. Дали совершенно непритязателен, он говорит о себе просто: «Сюрреализм — это я» (избыток индивидуальности?).

Зинченко, обладая, несомненно, избытком индивидуальности, в отличие от С. Дали, не говорит о себе в истории; история *в его лице* находит способ как бы запросто, по душам, поговорить с самой собой.

Психология «от Зинченко» — полагающая наука. Это она совершает «заскок в будущее». Она не просто считается с неопределенностью, но преодолевает ее; это она вращает пояс Мебиуса, созерцая ранее невидимые и невиданные переходы «между» данностью и заданностью; это она показывает путь порождения и высвобождения избыточных степеней свободы волевого и вольного действия, обогащения и выточки чувственной ткани, приумножения и дифференциации значений, укоренения и проращивания новых смыслов.

Владимир Петрович часто вспоминает слова Ухтомского о личности: «Личность — функциональный орган». Психология — она, конечно,

«ничья», так же как и сознание — «ничье», но она все же имеет свой собственный орган самоосуществления. Должен быть *кто-то*, через кого психология разговаривает *с собой*. Тексты книг и статей Зинченко — чувственная ткань переживающей себя психологии. Его мысль — живое движение сквозь знаки любой сложности (будь то слова в естественном языке индивидуального мышления или научные тексты в историческом движении сознания); предложения, из которых строятся тексты, суть не только опыт фиксации сквозь-знаковых переходов в новых знаковых формах¹⁰ — это *предложения*, которые Зинченко делает психологии (а Психея к нему благосклонна!).

Его психология обращена к личному. Зинченко — истинный персонолог. В персонологическом прочтении, *психология Зинченко* есть наука о *совершающем себя* сознании, — наука об актах, инструментах и результатах индивидуального и всеобщего самосознания; наука, имеющая своим предметом и методом поступающее *самосознание* человека.

Тексты этой науки всматриваются в читателя, обращены к нему, они и сами обращают читателя — нет, не в чью-нибудь веру, но к постижению и конструированию самих себя в диалогах «Я—Ты».

И сам Владимир Петрович не предъявляет *себя* в качестве *субъекта* обращения кого-то во что-то, избегает праздно используемого слова

¹⁰ Мысль Зинченко, конечно, неотделима от знака, но сама она — живое движение сквозь толщу знаков; она всегда обретает для себя свой знак (например, в метафорах смысла), но тут же вновь одолевает означенность (ведь это «только» метафора).

«субъект». Не «позиционирует» себя в качестве автора и образца синтеза процессов постижения и полагания психологией своего предмета. От Зинченко гораздо чаще услышишь «Вы», чем «я». Его речь – уразумение и подразумевание, она никого не силится образумить.

Сознание – «за него» – говорит с собой на *его* языке, действуя *им*, по-

ступает *как он*. *Теория сознания и сознание* Теоретика в его лице едины.

Участное миру, говоря и действуя так, как он, сознание целит в себя, достраивает себя до целого.

В.П. Зинченко – человек поступающего самосознания, сознания, проникающего в себя, проникающего собою.

Литература

Зинченко В.П. Мысль и слово Г.Г. Шпета. М.: Изд-во УРАО, 2000.

Зинченко В.П. Духовный организм и его функциональные органы // Труды Ярославского методологического семинара. Ярославль: МАПИ, 2004. Т. 2. С. 101–120.

Зинченко В.П. Живые метафоры смысла // Вопросы психологии. 2006. № 5.

Зинченко В.П. Толерантность в неопределенности: новость или психологическая традиция // Человек в ситуации неопределенности / Под ред. А.К.Болотовой. М.: ТЕИС, 2007. С. 9–33.

Зинченко В.П. Нужно ли преодолеть постулат непосредственности? // Вопр. психол. 2009. С. 3–19.

Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.

Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: Философско-гуманитарный контекст. М.: РОССПЭН, 2010.

Лефевр В.А. Космический субъект. М.: Ин-квартио, 1996.

Лефевр В.А. Алгебра совести. М.: Когито-центр, 2004.

Мэй Р. Открытие бытия: Очерки экзистенциальной психологии. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004.

Петровский А.В., Петровский В.А. Категориальная система психологии // Вопр. психол., 2000. № 5. С. 44–53.

Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д.: Феникс, 1996.

Петровский В.А. Общая персонология: наука личности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Спец. выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». Самара, 2003. С. 20–30

Петровский В.А. Психология: «непредметность предмета» // Труды Ярославского методологического семинара «Предмет психологии». Ярославль, 2004. С. 240–246.

Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.

Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Римис, 2008.

Пузырей А.А. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.